

скают».¹ Если публицисты нестяжательского направления, в том числе и Максим Грек, мрачными красками рисовали положение крестьянства в монастырских вотчинах, то Карпов впервые показал тяжкий гнет, которому подвергались крестьяне во владениях крупных светских феодалов.

Впрочем, идеология дворянства, настоятельно требовавшего укрепления централизованной государственности, не всегда последовательно проводилась Федором Карповым. К тому же в 20—30-х годах XVI века не вполне созрели те условия для решительной борьбы с боярством, которые сложатся позднее, после тяжелого опыта боярской реакции в годы малолетства Ивана Грозного. Критикуя боярскую аристократию в своем послании к Даниилу, Федор Карпов не намечает конкретных мер борьбы с засилием боярства. Даже больше — он полагает, что одних законов для осуществления справедливого управления недостаточно, необходима еще «милость» правителя. «Ради милости бо предстатель и князь от подвластных велми любитя, а истинны ради боится. Милость бо безъс правды малодушьство есть, а правда без милости мучительство есть, и сиа два разрушаютъ царство и всяко градосожителство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрощаема сохраняютьъ царя царство в многоденъстве».²

Требование «милости» объективно являлось проявлением непоследовательности Карпова, не понимавшего необходимости решительных мер для борьбы с политическими противниками самодержавной власти.³ Именно поэтому он кончает свое послание картиной пороков современного ему общества, конкретных путей для уничтожения которых и торжества «правды», «закона» и «милости» он не нашел. «...хромыми ногами, — пишет он, — слепыми очами она земная власть и все естество человеческое ходить ныне».⁴ Угнетение сильными слабых, власть денег,⁵ социальная рознь («ныне брани везде»), усиление эксплуатации («вземляй ризу, хочеть взяти и срачицу... все прилежит ближняго похитить») — таковы некоторые из недостатков социального строя в России, которые подметил зоркий взгляд Федора Карпова.

Это не скорбь об уходящем в прошлое «золотом веке» господства боярской аристократии,⁶ а мучительное ощущение неустроенности реальной жизни, которая должна быть основана на началах «справедливости».⁷ Если Федор Карпов — первый из дворянских публицистов —

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 110.

² Там же, стр. 111.

³ Однако, конечно, неправа Е. Н. Кимеева, усматривавшая в сочетании «правды» с «милостью» «типичный старобоярский взгляд на власть царя» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 231). Ни один из идеологов боярства не поднимался до представления о «правде» как основе государственного строя, которое мы находим в сочинениях дворянских публицистов Ф. Карпова и И. Пересветова.

⁴ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 112.

⁵ «Златыа веки суть в истинну ныне: много златом приходит сан, златом съветуется любовь, в цене цена ныне есть» (там же). Кимеева считает, что «выступление Ф. Карпова против золота можно расценить, как отголосок тяжелого положения в конце запутавшегося в долгах боярства» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 236). Это мнение, однако, автор не подкрепляет данными источников.

⁶ Мнение Е. Н. Кимеевой, что Карпов разделял мечту о возврате прошлого, об «обетованной земле живых», где вечны и незыблемы «старые обычаи» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 232), основано только на предвзятой начальной посылке о боярском характере взглядов публициста. Нигде о «старых обычаях» Карпов не говорит, как не говорит и о возврате вспять. «Обетованная земля живых» в данном случае не что иное, как аллегорическое представление о загробном мире.

⁷ Неверно, что обличение современных публицисту порядков переходит у Карпова «порой в прямое порицание современной ему государственной власти» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 228). Этого в послании Ф. Карпова просто нет. Только стремлением